

Постсоветская активизация тенденций неоархаизации Каниметов Э.

*Каниметов Эмиль / Kanimetov Emil - кандидат философских наук, проректор по науке,
Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, г. Бишкек, Кыргызская Республика*

Аннотация: в статье рассматриваются феномен и условия постсоветских реформ и особенности активизации процессов неоархаизации на примере кыргызских реалий.

Ключевые слова: постсоветские реформы, процессы неоархаизации, кыргызские реалии.

С самого начала реформ в Кыргызстане порождали ряд парадоксов, типичных для современных исследований общественных трансформаций. Целесообразно отметить один из них, который можно назвать парадоксом целей и средств; он проявился и продолжает, проявлялся почти во всех постсоветских республиках, где достаточно решительное реформирование экономических институтов сопровождается с ужесточением политического режима, препятствующего реформированию политического порядка. Данное явление в средствах массовой информации постсоветских республик обычно характеризуется как кризис властных структур.

Это явление в той или иной мере коснулось почти всех новоявленных государств на территории бывшего СССР, но каждый отдельный случай имеет свою степень остроты и специфику. Подобные изменения в политической жизни некоторых постсоветских странах, например, в Кыргызстане в большей степени были созданы искусственно, в основном для того, чтобы использовать социальный эксперимент в качестве одного из активизирующих и инерционных механизмов постсоветских реформ. Имитация и локальное (т.е. в Кыргызской Республике) моделирование перестроечных и постперестроечных российских реалий являлись одним из основных причин ухудшения социально-экономической ситуации в современном Кыргызстане. Многие политические решения (введение национальной валюты, демонтаж государственной власти, закон о приватизации земли и т.д.) сыгравший потом судьбоносную роль в общественной жизни бывших советских народов, прежде всего, были апробированы в Кыргызстане. «Передовой» социальный эксперимент в Кыргызстане был использован в качестве активизирующего примера, доказывающего необходимость и необратимость постсоветских реформ. Например, советник бывшего президента КР А. Акаева Андерс Ослунд (Anders Aslund) – один из влиятельных и наиболее последовательных консультантов, координаторов перестройки и постперестроечных реформ в СССР, РФ, Украине и др. бывших советских странах – часто указывал в своих украинских публикациях на удачный пример реформирования в Кыргызстане. Суть подобных «авторитетных» публикаций, выражаясь проще, примерно так звучит: «Вот мол, Кыргызстан впереди Вас, есть результаты, а Вы отстаёте от них».

С самого начала Узбекистан и Туркменистан не вписывались теоретическим стандартам [1]. В последних странах экономические реформы осуществлялись в рамках медленно либерализующегося авторитарного режима. Согласно некоторым прогнозам китайских специалистов эти страны могут прийти к гармонии (экономики) раньше, чем окружающие их страны, поскольку там «не распущены макроструктуры экономического контроля и управления» [2]. Сторонники такого рода развития полагают, что иным путем невозможно осуществить переход к рыночным структурам в экономике. Такой точки зрения придерживаются многие политологи и обществоведы в постсоветских республиках. Они утверждали, что «переход от тоталитаризма к демократии возможен только через авторитаризм». Более того, например, «необходимость установления и достаточно длительного функционирования в Казахстане авторитарного режима выводится одними авторами из «незрелости» общества для восприятия современных стандартов демократии, другими - из некоей ментальности».

Подобную позицию можно заметить и в публикациях некоторых западных специалистов после очевидного провала реформ постсоветского периода в бывших советских странах. Например, даже такой автор, как З. Бжезинский пишет о необходимости использования опыта Южной Кореи, Китая для России и Украины. РФ и Украина, по его мнению, являются «странами без сильных рыночных традиций и развитых предпринимательских структур» [3]. А в Центрально-Азиатских странах эта проблема, по выражению З. Бжезинского [1], «становится еще более сложной и неоднозначной». При этом он также опирается на труды С. Окиты, в которых тот доказал необходимость вмешательства государства в экономику в странах, где механизмы свободного рынка не опираются на традицию, опыт и соответствующую социокультуру. Но если данное предложение соответствует истине, то это означает, что в ходе создания рыночной экономики утрачивается так называемой демократическая сущность процесса трансформации. И чем более форсируется этот переход, тем в большей степени он утрачивает свой политический и социальный смысл, превращаясь по сути дела в процесс кардинальной экономической модернизации.

Такие парадоксы, с одной стороны, выступают как результат конфликта теории и практики модернизации общества и трансформации культуры, с другой - как следствие редуccionистского подхода к истории, согласно которому, торжество идеи либерализма во всем мире однозначно предопределяет «финал истории». Но эти парадоксы в то же время являются причинами неудач реформаторов, которые коренятся, по словам Нобелевского лауреата и титулованного представителя, Джон Стиглица, гораздо глубже - они в непонимании реформаторами самих основ рыночной экономики и процесса институциональных реформ [4].

Положение усугубляется и тем фактом разрушения традиционной общественной системы и принципов организации социума в Кыргызстане. Процессы разрушения традиционных общественных отношений, разумеется, у различных диаспор и титульного народа республики совершенно отличаются. У этнических диаспор Кыргызстана (например, у дунган) в годы реформирования общества традиционные жесткие общественные системы не только сохранились, но наоборот укрепились. В традиционных общественных системах человек является неотрывной частью этноса, рода, семьи. При такой организации социума нет необходимости разрабатывать сознательно принципы его политического устройства, писать законы и создавать институты контроля. за их выполнением. Все общество путем взаимоожиданий контролирует действие каждого человека. Поведение людей подчиняется не формальным правилам, а устойчивым связям и традиционной этике, действующей на уровне подсознательных психологических механизмов.

Формализм морально-правовых норм, чего уже в течение пятнадцати лет пытаются внедрять в общественную систему Кыргызской Республики, относится к совсем иной картине мира, она не зависит от внутренних состояний субъекта (как наверху, так и внизу социальной пирамиды). Правовая власть не интересуется внутренним миром граждан. Но такая холодность, «юридическое бездушие», по мнению его сторонников, вовсе не является недостатком правового принципа. «Как раз напротив, - пишет один из проповедников этого подхода, - в этом безразличии выражает себя юридический гуманизм, а именно безусловное предварительное доверие к каждому члену общества... Гуманизм юридический - это доверие... к основному личному измерению человека - к его воле, понимаемой как способность самоконтроля и самодисциплины» [4].

В этом случае сохранение социальной системы, организованной по правовому принципу, обеспечивается новыми психологическими механизмами. Психологически человек не лишается связи с обществом, но качественно меняет уровень этой связи. Свобода индивидуальной деятельности возможна не вопреки правилам и схемам культуры, а путем превращения культуры во внутренний мир людей. Материализованная структура жестких связей заменяется культурой жестких идеальных правил.

Таким образом, демократическая система, по мнению его сторонников, предполагает автономного, не подопечного субъекта. Его главные принципы - суверенность, самостоятельность и ответственность, исключаяющие потакание и покровительство.

В отличие от демократии, согласно мнениям критиков советской системы, тоталитарная система представлял собой псевдорелигиозную структуру. В нем многие ценности принимались как априорные. Точнее, было идеологически сформированное массовое убеждение, что так или иначе законы общественного развития уже разгаданы, и мы сумели сделать свой правильный и единственный выбор. После разрушения советской системы стал уже невозможным безболезненный переход от сферы конкретной повседневной жизни в абстрактный идеологический мир априорных символов и идей. Возникшие социальные движения и новые противоречия стали все реже управляться установленными традициями, правилами, нормами и все чаще подчиняться непосредственным витальным импульсам.

Такие процессы привели к возобладанию традиционной патерналистски - общинной модели и этнонациональной консолидации в Центральноазиатских республиках. Иными словами, активизируются тенденции неоархаизации - новой постмодернизационной культуры, сочетающая традиционные клановые формы с посттрадиционным мировоззрением, существенно отличным также от ценностно-рациональных установок общества Нового времени.

Литература

1. *Бжезинского* З. Великое преобразование. Brzezinski / The Great Transformation, The National interest. No 33 Fall 1993. P. 3-13.
2. Международный обзор. 1993. № 1. М. 12. 11..94.
3. Демократия 1990-х. З. Бжезинский. Великое преобразование. / USIA/R.P.O Viena / с. 25-32.
4. *Стиглиц Дж.* Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов). / Вопросы экономики. № 7.
5. *Соловьев Э. Ю.* Личность и право. // Вопросы философии 1989 год. С. 80.